

УДК 347
ББК 67.404
Г 75

Авторы Комментария:

Вступительная статья – В.Ф. ЯКОВЛЕВ; гл. 69 – А.Л. МАКОВСКИЙ (ст. 1225–1227, 1229, 1231, 1250–1254), Е.А. СУХАНОВ (ст. 1233–1241), П.В. СТЕПАНОВ (ст. 1242–1245); гл. 70 – Е.А. ПАВЛОВА; гл. 71 – П.В. СТЕПАНОВ (§ 1, 2, 4), В.О. КАЛЯТИН (§ 3, 5, 6); гл. 72 – Л.А. ТРАХТЕНГЕРЦ; гл. 73 – К.В. ВСЕВОЛОЖСКИЙ; гл. 74, 75 – В.О. КАЛЯТИН; гл. 76 – Г.Е. АВИЛОВ (§ 1, 4), О.М. КОЗЫРЬ (§ 2, в соавторстве с О.Ю. Шилохвостом), О.Ю. ШИЛОХВОСТ (§ 2, в соавторстве с О.М. Козырь; § 3); гл. 77 – А.Л. МАКОВСКИЙ

Г 75 **Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации** / Под ред. А.Л. Маковского; вступ. ст. В.Ф. Яковлева; Иссл. центр частн. права. – М.: Статут, 2008. – 715 с.

ISBN 978-5-8354-0427-8 (в пер.)

Издание представляет собой поглавный Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященной регулированию отношений, связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также с распоряжением исключительными правами на них. Комментарий подготовлен непосредственными участниками работы над проектом этой части Гражданского кодекса.

Особое внимание в Комментарии уделяется сопоставлению норм части четвертой Кодекса с международными обязательствами Российской Федерации и с предшествующим законодательством.

Для судей, адвокатов, практикующих юристов и предпринимателей, студентов, преподавателей и всех, кто заинтересован в адекватном понимании и правильном применении нового законодательства.

Текст части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации приводится по состоянию на 1 декабря 2007 г.

Актуальный текст Гражданского кодекса представлен в справочной правовой системе КонсультантПлюс.

Комментарий подготовлен с использованием справочной правовой системы КонсультантПлюс.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-0427-8

© Яковлев В.Ф., вступительная статья, 2008

© Коллектив авторов, 2008

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2008

О части четвертой Гражданского кодекса России

Принятие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) ознаменовало собой завершение первой в новейшей истории нашей страны кодификации гражданского законодательства. Начало этого процесса должно быть отнесено к 1990 г., когда работавшим в Союзном парламенте над новым законом о собственности юристам стало ясно, что без кардинального изменения гражданского законодательства (а значит, без нового Гражданского кодекса) в целом не может быть создана эффективная система правового регулирования подлинно рыночного экономического оборота. Первым шагом новой кодификации стало принятие в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, введенных в действие на территории России в 1992 г. Затем последовала часть первая ГК (1994 г.), посвященная лицам, праву собственности, общей части обязательственного права. Через год была принята часть вторая ГК (1995 г.), в которую вошли нормы о договорных и внедоговорных обязательствах. Спустя еще шесть лет была принята часть третья ГК (2001 г.), регулирующая наследственное право и международное частное право. Наконец, спустя пять лет была принята часть четвертая ГК (2006 г.), целиком посвященная отношениям, складывающимся в связи с созданием и использованием многообразных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации¹. Таким образом, за 15 лет была создана полномасштабная и полноценная кодификация цивилистических норм, посвященных традиционному для отечественного правопорядка кругу отношений – от общих положений гражданского законодательства до международного частного права.

Что касается собственно части четвертой ГК, то формально работа над проектом, получившим в декабре 2006 г. силу федерального закона, была начата в июне 2005 г., после того как распоряжением Администрации Президента РФ была образована Рабочая группа², которой

¹ Для обобщающего названия прав на указанные результаты и средства в ГК используется предложенный в свое время В.А. Дозорцевым термин «интеллектуальные права».

² В состав Рабочей группы вошли: В.Ф. Яковлев (руководитель), А.Л. Маковский (заместитель руководителя), Г.Е. Авилов, О.В. Городовиков, О.М. Козырь, Е.М. Моисеева, Е.А. Павлова, П.В. Степанов, Е.А. Суханов, Л.А. Трахтенгерц, О.Ю. Шилохвост

было поручено подготовить проект, предусматривающий кодификацию законодательства об интеллектуальной собственности. Столь малый для подобного законопроекта срок, однако, не должен вводить в заблуждение, поскольку разработка положений об интеллектуальной собственности для включения в новую кодификацию гражданского законодательства велась с небольшими перерывами постоянно с момента начала работы над такой кодификацией, т.е. с 1991 г. Теперь уже трудно подсчитать, сколько за эти 15 лет было подготовлено проектов и их вариантов¹. Однако можно вполне определенно говорить о четырех проектах.

Первый (1995 г.) и второй (1999 г.) проекты предусматривали включение в ГК помимо общих положений, распространяющихся на все виды интеллектуальных прав, также основных положений о каждом виде прав с сохранением действия специальных законов, принятых в этой сфере в 1992–1993 гг. (так называемая *полносистемная схема*). Эти проекты готовились в составе соответственно второй и третьей частей ГК. Третий проект (2003 г.) был подготовлен по инициативе Мининформпечати России и был построен по так называемой *усеченной схеме*, содержащей только общие положения об интеллектуальных правах, рассредоточенные к тому же по всему Кодексу². После отклонения указанных проектов в Исследовательском центре частного права был подготовлен четвертый проект (2004/05 г.), построенный по *исчерпывающей* схеме, как правило, исключаящей специальное законодательное регулирование интеллектуальных прав за рамками ГК. Именно этот проект после доработки был внесен в июле 2006 г. Президентом РФ на рассмотрение Федерального Собрания.

Все проекты, может быть, за исключением третьего, не получившего широкой известности, постоянно находились в поле зрения юридической общественности и правоприменителей как внутри страны, так и за ее пределами. Внимание это преимущественно было крити-

(ответственный секретарь). Кроме того, в работе над проектом непосредственно участвовал В.О. Калятин.

¹ Речь идет только о проектах, работа над которыми велась Исследовательским центром частного права совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами.

² Также по «усеченной» схеме, но в рамках самостоятельного раздела ГК строились проект кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета (1999 г.) и основанный на нем проект, внесенный депутатом Государственной Думы В.Я. Комиссаровым (2001/02 г.). По такой же схеме, судя по имеющимся материалам, предполагалось построить и проект, работа над которым в 2002–2003 гг. велась рабочей группой Минэкономразвития России.

ческим, что немало способствовало усилиям разработчиков по созданию полноценного как по кругу охватываемых отношений, так и по степени детализации, а главное — современного регулирования интеллектуальных прав. Интенсивность критических оценок каждого из проектов усиливалась по мере его приближения к стадии внесения в Федеральное Собрание. Особенно это коснулось последнего, четвертого, проекта. За восемь месяцев, предшествовавших подписанию Президентом РФ части четвертой ГК в качестве федерального закона, в СМИ (особенно электронных) едва ли не еженедельно появлялись заметки и отклики на проект. К сожалению, помимо содержательных оценок существа предлагаемого проектом регулирования в этих откликах нередко превалировали ни на чем не основанные упреки разработчикам в «келейности» и «кулуарности» работы над проектом, а равно и сомнения в их профессиональной состоятельности¹.

Если не иметь в виду эти последние моменты, критические замечания, высказанные по проекту и все еще высказываемые после его принятия в качестве закона, в основном затрагивают три группы вопросов. **Первая группа** касается самой допустимости включения в ГК исчерпывающего регулирования интеллектуальных прав. Едва ли не старейшим из этой группы аргументом, выдвигавшимся против проекта всегда, — по какой бы схеме (полносистемной или исчерпывающей) он ни строился, — является довод о том, что ввиду динамичности отношений в сфере интеллектуальной собственности правовое регулирование указанной сферы будет *требовать постоянной корректировки и частого обновления*. При этом утверждается, что соответствующие изменения в ГК будет внести труднее, чем в отдельные законы, действующие в сфере интеллектуальной собственности. На самом деле этот довод не выдерживает критики, так как с чисто формальной точки зрения ГК является федеральным законом, а значит, процедура внесения в него поправок никак не отличается от подобной процедуры, предусмотренной для изменения других федеральных законов (т.е. в том числе и в сфере интеллектуальной собственности). К слову сказать, не на стороне оппонентов и законодательная практика, сви-

¹ Вообще, история работы над ГК и, в частности, над его частью четвертой ждет своего летописца. В этой истории должны найти отражение и истоки того противостояния, которое долгое время вызывали любые попытки внести ясность и определенность в запутанную систему правового регулирования интеллектуальной собственности. И если, повторим еще раз, содержательная критика всегда приветствовалась и поощрялась самими разработчиками, то огульные обвинения проекта в противоречии «всему и вся» только затрудняли работу, отвлекали внимание от решения действительно принципиальных юридических вопросов.

детельствующая о том, что за 15 лет из шести профильных законов в три закона изменения вносились дважды, в другие два — четырежды, а Закон о селекционных достижениях вообще не был затронут какими бы то ни было изменениями.

Другой довод, выдвигаемый против исчерпывающей кодификации в ГК положений об интеллектуальных правах, лежит в сфере *архитектоники гражданского законодательства*. Сторонники этой точки зрения считают, что посвященные в новом ГК интеллектуальной собственности 327 статей могут затенить значение тех его положений, в том числе исконно цивилистических, которым в Кодексе отводится более скромное (по количеству статей) место. Не разделяем изложенный подход, в соответствии с которым значение того или иного института определяется количеством посвященных ему в законе норм (статей). Но даже если принять позицию оппонентов, то нельзя не согласиться с тем, что многие разделы ГК создавались в то время (1992–1993 гг.), когда соответствующие отношения находились в отечественном правовом порядке лишь в зачаточном состоянии или только в стадии формирования, а некоторых правовых институтов, уверенно отвоёвывающих сегодня право на существование, не было и в помине. В этой связи можно не сомневаться, что, готовясь части первая и вторая ГК сейчас, а не 15 лет назад, объем, а возможно, и система регулирования многих отношений (юридические лица, вещные права, отдельные договоры) отличались бы от тех положений, которые оказались в свое время представлены в ГК. Вопрос о диверсификации и мультиплицировании норм ГК, принятых в 1994–1995 гг., несомненно станет одним из основных направлений развития гражданского законодательства в ближайшее время.

Со времени опубликования последнего проекта части четвертой ГК едва ли не чаще других в качестве основания для критической оценки проекта в целом называются включенные в него «административные» нормы (прежде всего связанные с экспертизой и регистрацией целого ряда результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации), которые «размывают» нормативное значение Кодекса в системе регулирования гражданско-правовых отношений. Едва ли можно согласиться с подобными опасениями. Положения о порядке проведения экспертизы и регистрации соответствующих результатов и средств неразрывно связаны с правовым режимом таких результатов и средств. Без регистрации вообще нет патентного права. Отделение регистрационных процедур от традиционных цивилистических норм неизбежно — рано или поздно — привело бы к столкно-

вению между ними и, следовательно, породило бы трудности в практическом применении как тех, так и других. Регистрационные нормы включены в Кодекс не как таковые и не сами по себе. Они теснейшим образом увязаны как с конституированием многих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, так и с осуществлением соответствующих интеллектуальных прав. Значит, без этих норм правовой режим патентов, товарных знаков, наименований мест происхождения товаров оставался бы ущербным, неполным. Кроме того, учитывалось, что регистрация недвижимости впервые появилась в ГК и эта норма продолжает действовать. Почему же применительно к интеллектуальной собственности регистрационных норм не должно быть? Почему их наличие должно лишать Кодекс нормативной силы?

Наконец, в самое последнее время в числе доводов все чаще выдвигается новый, ставящий под сомнение — ни много ни мало — конституционность четвертой части ГК. Аргументация его сторонников крайне проста: коль скоро в подп. «о» ст. 71 Конституции РФ «правовое регулирование интеллектуальной собственности» упоминается отдельно от «гражданского законодательства», да еще отделено от последнего указаниями на гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, то и положения об интеллектуальных правах («интеллектуальной собственности») должны быть также отделены от ГК. Этот довод также не выдерживает критики. С одной стороны, здесь «гражданское законодательство» совершенно безосновательно ужимается до рамок Гражданского кодекса, за пределами которого такое законодательство, вероятно, невозможно. А как же быть с Законом об акционерных обществах или Законом об обороте земель сельскохозяйственного назначения? Более того, ссылаясь на подп. «о» ст. 71, уважаемые оппоненты почему-то не замечают подп. «п» той же статьи («федеральное коллизионное право»), из которого, по их логике, должно следовать, что и включение в ГК раздела VI («Международное частное право») также противоречит Конституции РФ. С другой стороны, статье 71 Конституции РФ придается совершенно несвойственное ей значение основы построения системы российского законодательства. Но ведь эта статья посвящена не системе законодательства, она лишь определяет те отношения, которые находятся в ведении Российской Федерации и, следовательно, должны регулироваться исключительно федеральными законами.

Вторая группа вопросов связана с возможным противоречием ГК международным договорам, в которых участвует Российская Федера-

ция или к которым она намеревается присоединиться. Долгое время не удавалось добиться от оппонентов ссылок на конкретные расхождения или несоответствия между проектом и международными обязательствами России в сфере интеллектуальной собственности.

Ситуация несколько изменилась после принятия в 1996 г. в рамках Всемирной организации по интеллектуальной собственности (ВОИС) Договора по авторскому праву (ДАП) и Договора по исполнениям и фонограммам (ДИФ), а также в связи с процедурой принятия России во Всемирную торговую организацию (ВТО), что вывело в число приоритетных международных стандартов, которым должно отвечать законодательство стран – членов ВТО, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. (Соглашение ТРИПС). Этот период совпал по времени с работой над последним проектом части четвертой ГК, поэтому наиболее часто высказывались соображения о его несоответствии именно ДАП, ДИФ и Соглашению ТРИПС. Такие соображения практически до начала осени 2006 г., т.е. до принятия проекта в первом чтении, сопровождались неизменными оговорками о том, что наше действующее законодательство (шесть законов 1992–1993 гг.) полностью соответствует указанным международным договорам и поэтому его не нужно менять, а часть четвертую следует поскорее из Парламента отозвать.

Когда же осенью 2006 г. стали рассматриваться положения проекта ГК, в отношении которых у иностранных экспертов сложилось убеждение об их расхождении с указанными соглашениями, то оказалось, что бóльшая часть претензий основана на недоразумениях, связанных с неудачным переводом (как указанных соглашений на русский язык, так и проекта – на английский) или с недостаточным знакомством с российской правовой системой. В этой связи достаточно упомянуть о термине «технические средства», попавшем в аутентичный русский текст ДАП, а из него – в Федеральный закон «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) и проект ГК. Недоразумение заключается в том, что в английском тексте ДАП упоминается термин «технологические меры», введения которого настоятельно требовали и иностранные эксперты. Это недоразумение было устранено путем такого изменения соответствующей нормы проекта ГК, которая не противоречила бы ни существу ДАП, ни букве его русского текста. Другой пример. Во вводном законе к части четвертой ГК упоминалось об отмене вместе с Законом об авторском праве также и тех законов, которыми в него вносились изменения и дополнения (так требуют принятые у нас правила юридической техники). Причем

в названии одного из этих законов упоминался Уголовный кодекс РФ (он, очевидно, менялся одновременно с Законом об авторском праве). На этом основании некоторые иностранные эксперты всерьез считали, что в связи с принятием части четвертой ГК будет отменен и Уголовный кодекс.

Что же касается действительно имевшихся различий с Соглашением ТРИПС по существу регулирования проектом ГК отдельных вопросов (связанных с условиями введения ограничения авторских прав, режимом наименований мест происхождения товаров и некоторых других), то в ходе работы над проектом в Государственной Думе они были устранены.

Тема несоответствия ГК международным договорам, прежде всего Соглашению ТРИПС, пока, однако, не закрыта. В связи с продолжающимися переговорами о вступлении России в ВТО, в первой половине 2007 г. нами были получены замечания от Швейцарии, Японии, США и Европейского Союза. Проработка указанных замечаний членами Рабочей группы по ГК также не выявила каких-либо содержательных расхождений. Подавляющее число замечаний опять-таки основано на недоразумении. Не найдя какой-либо нормы в разделе об авторском праве, эксперты забывают заглянуть в «общие положения» и делают вывод об отсутствии в нашем законе какого-либо положения из Соглашения ТРИПС. Многие замечания сделаны без учета сложившейся в отечественном правовом порядке терминологии. Предложения о замене того или иного термина в ГК (например, «публичные интересы» требуют заменить на «общественный порядок») делаются без учета того обстоятельства, что во всех других актах нашего законодательства этот термин будет иметь совершенно иное значение. В этой новой серии замечаний целый ряд претензий выдвигается против тех положений ГК, которые дословно заимствованы из действующего Закона об авторском праве, неоднократно подвергавшегося экспертизе ВОИС и не вызывавшего до сих пор никаких нареканий.

Наконец, **третья группа** вопросов касается соответствия правового регулирования интеллектуальных прав отношениям, сложившимся в этой сфере за период действия законов 1992–1993 гг. Подобные несоответствия неизбежны при любом реформировании законодательства. Для того, чтобы адекватно оценить эти расхождения, необходимо еще раз подчеркнуть те приоритетные задачи, которые стояли перед четвертой частью ГК и решению которых были подчинены все без исключения новеллы.

Во-первых, это **исчерпывающее включение** результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в гражданский оборот. Для этого были необходимы нормы, регулирующие отчуждение, предоставление в пользование, залог прав на эти объекты. Исторически сложилось так, что в отечественном законодательстве об интеллектуальной собственности таких норм было явно недостаточно, что потребовало реконструкции соответствующих правоположений.

Во-вторых, это **расширение и усиление защиты** прав авторов и иных правообладателей. Этим целям, в частности, служит расширение круга объектов интеллектуальной собственности, правам на которые предоставляется защита (смежное право на содержание баз данных, смежное право публикатора произведения, право на коммерческое обозначение). Из всех правообладателей наибольшее внимание уделяется защите интересов граждан — создателей результатов интеллектуальной деятельности (авторов, исполнителей, изобретателей, селекционеров). Такой подход вызван тем обстоятельством, что в условиях рыночного оборота интересы граждан нередко вступают в противоречие, с одной стороны, с интересами общества, заинтересованного в возможно более широком и свободном использовании в своих интересах созданного автором творческого произведения, а с другой — с интересами экономически более сильных коммерческих организаций, с которыми автор неизбежно должен взаимодействовать для реализации многих своих прав.

Указанный подход находит свое выражение, в частности, в положении о том, что исключительное право на результат творческой деятельности, созданный творческим трудом автора, возникает именно у автора, а к другим лицам может перейти только по договору или по иным основаниям, установленным законом (п. 3 ст. 1228 ГК). Этим же целям служат запрет обращения взыскания на принадлежащее автору или исполнителю исключительное право (ст. 1284, 1319 ГК), ограничение ответственности автора по авторским договорам (ст. 1290 ГК), право автора, не являющегося правообладателем, на получение от работодателя вознаграждения за создание и использование соответствующего служебного результата. В большей мере позволит защитить интересы создателя произведения и право автора на неприкосновенность произведения (п. 1 ст. 1266 ГК), более широкое по своему содержанию, чем предусмотренное прежним законодательством право на защиту репутации автора.

В-третьих, это **усиление ответственности за нарушение** прав авторов и иных правообладателей. В этих целях в Кодексе существенно рас-

ширены основания для применения таких мер ответственности, как взыскание с нарушителя суммы компенсации и конфискация контрафактных экземпляров произведений. Четвертой частью ГК введена и новая мера ответственности за грубое нарушение исключительных прав в сфере интеллектуальной собственности — ликвидация юридического лица-нарушителя и прекращение регистрации соответствующего индивидуального предпринимателя.

Безусловно, не все из перечисленных новелл будут одобрительно встречены всеми без исключения участниками экономического оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Для одних введение этих правил потребует дополнительных расходов на оформление своих прав, для других — повлечет дополнительные затраты для приведения своей деятельности или своего правового статуса в соответствие с новыми требованиями. Кому-то, наконец, покажется просто непривычным и некомфортным действовать по новым правилам. Не исключено, что какие-то шероховатости новых норм будут скорректированы практикой их применения, другие, возможно, потребуют внесения каких-то изменений и в сам Кодекс. Такое положение совершенно естественно для любой устойчивой и стабильно развивающейся правовой системы.

Полагаем, что настоящий вводный Комментарий части четвертой ГК, подготовленный непосредственными разработчиками проекта ГК и выпущенный издательством «Статут» совместно с компанией «Консультант Плюс», поможет правоприменителям детально разобраться в устанавливаемых Кодексом нововведениях и будет способствовать его применению после введения в действие 1 января 2008 г.

В.Ф. ЯКОВЛЕВ,
*руководитель Рабочей группы
по подготовке проекта части четвертой
Гражданского кодекса Российской Федерации,
советник Президента Российской Федерации,
председатель Совета Исследовательского центра частного права,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РСФСР*

**КОММЕНТАРИЙ К ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Редактор *В.Ю. Станковская*

Корректоры *Л.А. Галайко, Т.Н. Немчинова*

Художественное оформление: *В.В. Самойлова, О.И. Майорова*

Компьютерная верстка: *А.А. Науменко*

Подписано в печать 20.11.2007. Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 45. Тираж (I) 27 000 экз.
Заказ № 0718230.

Издательство «Статут»:

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 4, помещ. VI;

тел./факс: +7(495) 649-18-06

E-mail: book@estatut.ru

www.estatut.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 5-8354-0427-1

9 785835 404278